

Текст · 17 декабря 2020, 07:53

Анастасия Ясеницкая,

Двести жалоб на пытки — и только одно уголовное дело. В Усолье-Сибирском полиции боятся больше, чем преступников

Усолье-Сибирское — небольшой город с населением в 77 тысяч человек — расположен в 70 км от Иркутска вниз по течению Ангары. С момента основания поселения в XVII веке местные жители занимались солеварением, а в советское время там возвели градообразующее предприятие «Усольехимпром». В 2003 году завод приобрела московская компания «НИТОЛ», после чего цеха начали закрываться один за другим, а работников стали сокращать. Спустя десять лет предприятие встало на консервацию, вскоре его признали банкротом, а Усолье-Сибирское включили в список моногородов с «наиболее сложным социально-экономическим положением».

После закрытия «Усольехимпрома» большинство местных жителей лишилось работы. Некоторые покинули Усолье-Сибирское или стали ездить на работу в Иркутск и Ангарск. Кто-то начал разбирать предприятие на металлолом — это регулярно становится причиной утечек ртути и других ядовитых химических веществ, не утилизированных после закрытия завода. Из-за этого с 2018 года в городе действует режим чрезвычайной ситуации.

Год назад в паблике «Омбудсмен полиции» появилось анонимное обращение к министру внутренних

дел, где утверждалось, что местные преступные группировки распиливают завод на металлолом и валят лес под покровительством главы местного отдела МВД Александра Кузнецова.

Пытки задержанных в Усолье-Сибирском, где полицией последние пять лет руководит Кузнецов, видимо, стали рутиной — с 2011 по 2019 год на насилие со стороны сотрудников МО МВД «Усольский»^[1] и местного отдела СК жаловались^[2] не менее 197 раз.

В пытках, по словам пострадавших, участвовали 48 сотрудников^[3], но обвинение полицейским после всех этих проверок предъявили только по одному делу — о пытках Марины Рузаевой.

Согласно базе данных Усольского городского суда, с 2012 года по статье о превышении должностных полномочий с применением насилия было вынесено два приговора: в 2012 и 2013 году (более ранних данных нет). Один из обвиняемых, полицейский Алексей Прохоров, получил четыре года условного срока. Текст приговора в отношении еще четверых полицейских не опубликован. Эти пятеро сотрудников не упоминаются в материалах проверок с 2011 по 2019 год, которые изучала «Медиазона», возможно, преступление они совершили еще раньше. За последние годы до суда дошло только дело Марины Рузаевой.

«Ты нам праздник испортила»

Местный предприниматель Павел Глущенко осознал масштабы полицейского насилия зимой 2016 года, когда полицейские пытали его гражданскую жену Марину Рузаеву. С тех пор Глущенко, который раньше устанавливал домофоны и видеокамеры, все свободное время занимается правозащитой.

Вечером 2 января 2016-го домой к Рузаевой и Глущенко пришли двое оперативников уголовного розыска — Александр Корбут и Станислав Гольченко. Полицейские попросили Марину съездить в отдел, чтобы посмотреть фотографии по делу об убийстве ее знакомого Василия Смолянинова. Жившего неподалеку приятеля зарезали перед Новым годом.

Оперативники объяснили, что Рузаева домохозяйка, большую часть времени находится дома и могла заметить что-то необычное из окна третьего этажа. Как и почти все в Усолье-Сибирском, семья жила в пятиэтажной хрущевке. По словам Глущенко, он подумал, что жена и правда могла что-то заметить и спокойно отпустил ее с полицейскими, оставшись дома с двумя сыновьями.

Тем временем в отделе полиции Марину Рузаеву полицейские завели в кабинет, приказали снять сапоги и сесть на лавку. Позже Рузаева рассказывала следователям, что на голову ей внезапно надели черный полиэтиленовый мешок, а руки пристегнули к нижней перекладине скамейки.

— Говори! — приказал оперативник Денис Самойлов.

— Что говорить? — спросила Рузаева.

После этого ей стали наносить удары электрошокером и избивать.

Домохозяйка вспоминала, что во время пытки оперативники приговаривали: «Ты знаешь, что человека убили. Ты нам не дала нормально праздники справить, отгулять». Они предлагали: «Скажи, что к тебе начал приставать Василий, и ты его вальнула, и уйдешь на подписку».

Через пару часов после ухода жены Павел Глущенко забеспокоился и попытался выяснить, где она находится. Но в полиции ему говорили, что та из отдела давно ушла. На шестой час задержания, так не добившись от никакой ценной информации, оперативники отпустили Рузаеву. Она до сих пор не понимает, почему ее пытали.

«У них, скорее всего, был Новый год, и они говорили, когда избивали, что ты нам праздник испортила. То есть им нужна была, по сути, любая, даже самая маленькая информация, быстро-быстро, по горячим следам, как они любят, найти любого крайнего, хапнуть его и то же самое сделать с ним и быстренько выбить показания, чтобы кто-то поехал [в тюрьму]. Потому что я не подходила, но чтобы хоть что-нибудь сказала», — предполагает Марина Рузаева, небольшая блондинка с завитой челкой и густо накрашенными глазами. Во время разговора она немного шепелявит.

На следующий день, рассказывают супруги, они подали заявление в местный отдел Следственного комитета. Только месяц спустя следователь Сергей Лысых возбудил дело превышении должностных полномочий с применением насилия (пункт «а»

части 3 статьи 286 УК). Но до суда оно дойдет только через четыре года.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Паша, меня избили, как вот и твою жену избили»

Первое время супруги боялись расправы со стороны полицейских. «Мы не спали месяц, просто кома какая-то была, от каждого скрипа снега под колесами автомобиля подъезжающего подпрыгивали. Думали все, убивать приехали», — вспоминает Глущенко. Сейчас ему, как и Рузаевой, 38 лет. В прошлом супруги были одноклассниками.

Несмотря на страх, они все же решили не отказываться от жалобы на полицейских — и сразу столкнулись с сопротивлением силовиков. С 2016 года следователи прекращали дело о пытках четыре раза.

Одновременно к Рузаевой и Глущенко стали обращаться за помощью усольчане, которых тоже пытали в полиции. По словам Рузаевой, на ее уголовном деле супруги научились, как правильно фиксировать следы от избиений, составлять жалобы

и заявления, общаться со следователем — и уже несколько лет делятся своим опытом с другими пострадавшими от полицейского насилия в Усолье-Сибирском.

«Звонит еще человек и говорит: "Паша, меня избили, как вот и твою жену избили, ты что делал?"» — вспоминает Рузаева. Рядом с грузным короткостриженным мужем она выглядит хрупкой и женственной.

Она продолжает: «Конечно, мы уже, видимо, столько ошибок натворили, мы по линейке не смерили [травмы], дальше там не тыркнули следователя вовремя, чтобы он пошел изымать [вещественные доказательства], еще тому-то не написали. Мы-то это знаем уже, понимаем, где мы начудили. И началось с того, что одному, второму подсказали и потом уже все [к нам пошли]».

Осенью 2016 года Глущенко избрался в Общественную наблюдательную комиссию (ОНК) и получил право посещать задержанных в изоляторах и отделах. В 2017 году он учредил собственную правозащитную организацию под названием «За права человека», а весной 2019-го открыл в Усолье-Сибирском офис, где принимает жертв полицейского насилия — к нему регулярно обращаются жители города и окрестностей. В апреле 2020-го Глущенко стал одним из немногих публичных источников информации о подробностях бунта в ангарской колонии №15.

Помогает ему иркутский правозащитник Святослав Хроменков, с которым Глущенко познакомился

в исправительной колонии, где оба отбывали наказание^[4]. По словам Хроменкова, именно уголовное преследование, которое он называет сфабрикованным, стало толчком к правозащитной деятельности. Его поразило увиденное в колонии: «кастовая система, унижения, драки с другими заключенными, произвол, пытки, вымогательства».

«В 2006 году колонию, где я сидел, стали "ломать", заставляя заключенных маршировать, как в армии, что незаконно. Я встал, один из всей зоны, и спросил у [приехавшего с проверкой прокурора], законно ли это или нет. Я там на юриста учился в колонии. После этого меня перевели из рабочего отряда в разработочный и впятером забили битами. Били пока не потерял сознание. Я думал, что умер», — говорит Хроменков, добавляя, что свою первую правозащитную организацию он создал еще в заключении.

Глущенко вспоминает, что именно Хроменков одним из первых пришел на помощь, когда узнал, что случилось с его женой. С тех пор они сообща занимаются правозащитой.

«У нас полиции боятся больше, чем преступников на улице», — замечает Марина Рузаева, по словам которой, «у каждого в Усолье есть [такая же] история», как случившаяся с ней.

«В городе принято молчать о таких вещах, потому что обратиться за помощью некуда, ну а мы молчать не стали, прятаться не стали, — добавляет она. — Люди-то, как бы, они посмотрели, что можно об этом

говорить. Наши разговорились, вот этот маленький городишко. "А нас тоже били, а нас тоже. А вот что делать?". И начали как-то решать, соображать всем миром, что делать. И полицейские-то, они тоже не ожидали отпора, сдачи-то не ожидали, что им дадут».

МО МВД «Усольский» и его обитатели

Усольский отдел МВД стоит на улице Ленина в старой части города. Центральный двухэтажный корпус, в котором находятся кабинеты руководства, построен в стиле сталинского ампира и обнесен обшарпанными колоннами. Здание соединено небольшим переходом с более скромной четырехэтажной панелькой, похожей на жилой дом. Там находятся кабинеты сотрудников уголовного розыска — и там же на третьем этаже пытали Марину Рузаеву.

Под окнами панельки стоит памятник — медного цвета Дядя Степа, который освобождает птицу, залетевшую внутрь светофора, и отдает ее в руки детям. По другую сторону от центрального корпуса находится изолятор временного содержания, там, по словам Павла Глущенко, в пресс-хатах годами живут зеки-активисты, выбивающие из задержанных признательные показания.

Правозащитник говорит, что его жизнь с детства так или иначе была связана с этим отделом. Отец Глущенко служил в усольском линейном отделе милиции оперативником, а мать работала кинологом в ДОСААФ^[5] и тренировала собак-ищек.

«Я практически в этом ОВД вырос у многих следователей на руках еще с малых лет. Всю

эту подноготную, кто как где работал, я своими глазами видел, — рассказывает он. — У нас раньше как работали оперативники: у них были свои информаторы, они прямо бегали по земле, искали, где там, что. Сейчас я смотрю, как они работают — человек вышел за хлебом, его задержали, и, оказывается, он уже в СИЗО в каком-то преступлении сознался».

С 2011 до 2015 года должность начальника городского отдела занимал полковник Владимир Сальников. Глущенко вспоминает, что тогда наладил с ним сотрудничество и нанимал на сезонные работы недавно освободившихся заключенных. «Они нам просто вот этих лиц отправляли, — говорит он. — Мы их отправляли в лес на заготовку орехов, ягоды, чтобы у человека были какие-то сезонные заработки, чтобы деньги у него были, чтобы он не шел больше грабить из-за того, что ему поесть нечего».

В 2015-м Сальников ушел на пенсию, а его место занял подполковник Александр Кузнецов. По словам Глущенко, после назначения Кузнецова и избиения жены сотрудники отдела его «резко перестали узнавать», хотя в там работали бывшие одноклассники, знакомые и даже родственники.

Пытаясь привлечь к ответственности пытавших Рузаеву оперативников, супруги осознали масштабы полицейского насилия в городе. «Раньше все было тихо-спокойно, ну вроде полиция работает да работает, ловят преступников. И тут вот, когда уже начали просматривать все документы, оказывается, что совсем не тихо и не спокойно. И уже причем

не один год», — вспоминает Глущенко. Во время разговора в доказательство своих слов он постоянно ищет материалы дела, записи и фотографии в широком китайском смартфоне, который теряется в его огромных руках.

Как следует из материалов дела Рузаевой, Следственный комитет с 2012 по 2019 год проверял 17 жалоб на применение насилия со стороны оперативников Корбута, Самойлова и Гольченко (в разном составе). 16 раз проверки заканчивались отказом в возбуждении уголовного дела. Семнадцатый случай — дело Марины Рузаевой.

Глущенко считает такое количество отказов закономерным, потому что должность замначальника следственного отдела по Усолью-Сибирскому долгое время занимала Виктория Анохина — жена замначальника уголовного розыска Александра Анохина, непосредственного руководителя пытавших Рузаеву оперативников. Следователем, по его словам, работала и жена оперативника Самойлова, но уже в отделе МВД.

Еще в 2016 году изучавшая дело сотрудница СК Чудинова^[6] написала главе областного управления Андрею Буневу рапорт о том, что «все сотрудники следственного отдела по г. Усолье-Сибирское находятся в дружеских отношениях» с оперативниками, которых Рузаева обвиняет в пытках.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Став членом ОНК, Глущенко сделал запрос в Усольскую городскую больницу — и получил оттуда ответ^[7], согласно которому, с ноября 2011 года по июль 2017 года в местный травмпункт с жалобами на избиение в полиции обратился 31 человек. У большинства из них врачи зафиксировали ушибы и закрытые черепно-мозговые травмы. В другом ответе из больницы сказано, что с 2014 по 2016 год скорая помощь выезжала в отдел 769 раз^[8].

ТОП-5. Кого из усольских полицейских чаще всего обвиняют в пытках

В материалах дела о пытках Марины Рузаевой два тома занимают выписки из книг регистрации сообщений о преступлениях с 2011 по 2019 год и электронной базы данных учета следственной работы, данные в которую вносятся с 2013 года. Также в распоряжении «Медиазоны» есть отдельные выписки из материалов проверок в отношении фигурантов дела Рузаевой: Корбута,

Самойлова и Гольченко. Изучив доследственные проверки по статье о превышении должностных полномочий с применением насилия (часть 3 статьи 286 УК), мы составили список полицейских, которых жители Усолья-Сибирского чаще всего обвиняли в пытках (большая часть проверок проводилась в отношении неустановленных силовиков, то есть число случаев, к которым причастен каждый из оперативников, может быть и выше). Все они — сотрудники отдела уголовного розыска в МО МВД «Усольский».

Старший оперативник Александр Корбут, 42 года — 10 случаев. Один из обвиняемых по делу о пытках Марины Рузаевой. С 2012 по 2019 год в отношении Корбута было проведено не менее десяти проверок о применении насилия к задержанным. Работает в отделе до сих пор.

Оперативник Мартьянов — 8 случаев. С 2012 по 2017 год жители Усолья-Сибирского обвиняли Мартьянова С.И. в психологическом и физическом насилии не менее восьми раз. Нередко, по словам пострадавших, пытал их в паре с Корбутом.

Оперативник Денис Самойлов, 35 лет — 7 случаев. Один из обвиняемых по делу о пытках Марины Рузаевой. С 2012 по 2018 год Самойлов был фигурантом проверок не менее семи раз. В июле 2017 года вышел в отставку. Нередко, по словам пострадавших, он пытал их в паре с Корбутом либо Мартьяновым.

Оперативник Станислав Гольченко, 30 лет — 4 случая. Проходит обвиняемым по делу Рузаевой. С 2016 по 2017 год на Гольченко подавали заявление по статье не менее четырех раз. Работает в отделе до сих пор.

Замначальника уголовного розыска МО МВД «Усольский» Александр Анохин — 4 случая-
 . Непосредственный руководитель всех оперативников, которых люди обвиняли в пытках. Упоминается в четырех заявлениях о насилии. В сентябре 2019 на сайте отдела сообщалось, что Анохин был в звании подполковника и занимал должность врио замначальника МО МВД «Усольский». По словам правозащитника Глущенко, сейчас Анохин служит в районном отделе полиции. Должность замначальника следственного отдела по Усолью-Сибирскому долгое время занимала^[9] его жена Виктория Анохина. С лета 2019 года, по словам Глущенко, она в декрете.

Усольчане жалуются на пытки — и передумывают

Несмотря на то, что оперативникам из дела Рузаевой — Александру Корбуту, Станиславу Гольченко и Денису Самойлову — предъявлены обвинения в пытках, никто из них не был уволен из полиции. Самойлов ушел на пенсию сам, а Корбут и Гольченко служат до сих пор.

Их имена по-прежнему звучат в рассказах о новых случаях полицейского насилия. Так, например, полицейский Корбут участвовал в деле жителя Усожья-Сибирского Ильи Сосновского — его в феврале 2019 года повезли на полиграф из-за кражи 200 кг нефрита из местного отдела судебных приставов. Как позже рассказывал Сосновский, после исследования оперативник Константин Попугаев^[10] стал уговаривать его взять вину на себя.

«Если ты пойдешь на сотрудничество со следствием, то мы походатайствуем там, все сделаем, чтобы тебе был минимальный срок, максимум, что тебе там дадут — это три года условно», — пересказывал его обещания усольчанин. Он отказался и тогда из Иркутска, где проходило исследование на полиграфе, его привезли в усольский отдел полиции, где, по словам Сосновского, полицейские угрожали отправить его в ИВС, где он расскажет «даже больше, чем надо», и провести обыск дома у матери, которая недавно перенесла обширный инфаркт.

Спустя несколько часов ожидания и уговоров задержанного завели в кабинет, где сидел оперативник Корбут. Временами он доставал из-под стола бутылку разливного пива и отпивал из нее.

«В какой-то момент остались мы вдвоем с ним, он ходил, так сказать, благовал уже, — вспоминал Сосновский. — Говорил, что мне надо по-любому [признаться], все хотят домой, все тут со мной уже устали, что надо быстро это уже все заканчивать и все пойдут [домой] счастливые. <...> В какой-то момент он достал пластиковую бутылку какую-то, полторашку с водой. Он подошел ко мне, ударил по колену сначала бутылкой, по правому. Я наклонился, и он еще раз этой же бутылкой ударил меня по голове сверху по затылку. У меня голова поплыла, было больно».

После избиений и уговоров у него не осталось сил сопротивляться, говорил задержанный, и он вместе с оперативниками сочинил объяснение о том, как украл нефрит — а потом написал и явку с повинной. Избитый вспоминал, что полицейские отпустили его

ночью из отдела, потому что туда пришел член ОНК Павел Глущенко, которого о помощи попросила жена Сосновского^[11].

Оперативника Попугаева упоминал и местный бизнесмен Павел Ахрамович, владевший в Усолье-Сибирском автомастерской, ритуальным и продуктовым магазином. Ахрамовича полицейский уговаривал взять на себя вину в краже 800 литров дизеля и ноутбука из фуры, припаркованной на выезде из города.

По словам предпринимателя, в январе 2017 года Попугаев попросил его приехать в отдел, чтобы дать показания по этому делу. Там, по словам бизнесмена, оперативник и его коллега Алексей Усов стали требовать от него явку с повинной.

«Мы зашли в кабинет ихний. Они мне ну давай, рассказывай. Я им, че рассказывать? Ну, как солярку сливал, сознавайся, — вспоминает Ахрамович. — Давай, бери на себя, типа че там ничего страшного не будет, первоходка там, а так мы, говорит, сейчас тебя закроем в КПЗ^[12], говорит, ну начали меня там стращать-пугать. Ничего я брать не буду. И все, уже вечер, вечерееет, они давай там уже психовать, дергаться, кому домой, кому чего. А меня сидят-мурыжат, уже больше шести часов меня там продержали. И все, один оперативник уже начал руки распускать, давай мне по голове лупасить, потом мне нижнее подреберье отбил».

Ахрамовича отвели на допрос к следователю, где он все равно отказался признаваться в краже. Из отдела

его все-таки отпустили, и предприниматель сразу обратился в травмпункт, где врачи зафиксировали ушибы. На следующий день он подал заявление в СК.

Впрочем, усольчане рассказывают и о насилии со стороны сотрудников Следственного комитета. К примеру, расследовавший в 2017-18 годах дело Рузаевой следователь Александр Корнев фигурировал в истории Айдына Юсифова — по словам Юсифова, осенью 2017-го силовики похитили его возле собственного дома и потребовали дать взятку инспектору ГИБДД Александру Присяжному, чтобы задержать того с поличным. Но инспектор деньги не взял, после чего, по словам обоих мужчин, их привезли в следственный отдел по Усолью-Сибирскому, где всю ночь допрашивали в присутствии оперативников ФСБ и управления собственной безопасности МВД.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«В Следственный комитет привезли, там чисто моральные унижения просто», — вспоминал^[13] полицейский Присяжный. И удивлялся: «Самое

обидное, за столько лет службы, я понимаю всю специфику работы... но то есть сотрудники общаются с сотрудником! Ведут себя ну просто некорректно. То есть я как бы всю жизнь отработал, понимаю. <...> Очень было плохое самочувствие. Просил несколько раз вызвать скорую. Воды не дают, позвонить не дают, адвоката не дают. Прессинг полный, тем более сознание там потерял. Я был вообще просто в шоке, что коллеги так работают, ну просто похабно, некорректное отношение. Я же не бандит, не хулиган».

Инспектор рассказывал, как умолял вызвать ему скорую помощь и говорил, что «сейчас здесь сдохнет». «Сдохнешь, мы тебя аккуратненько вынесем-положим, вызовем ментов — вышел-скончался», — отвечали ему сотрудники.

На следующее утро госпитализировали как Присяжного, так и Юсифова. Позже оба рассказывали на допросах, что именно следователь Корнев ставил их на растяжку, угрожал избить и отказывался вызывать скорую помощь. Вместе с ним следственные действия проводил второй сотрудник СК Артем Осадчий — он, по словам инспектора Присяжного, запугивал его ИВС, где будут «опускать».

Павел Глущенко говорит, что оба следователя ему известны «заволокичиванием» дела о пытках Рузаевой.

Об этих новых пытках с повторяющимися участниками — оперативниками и даже следователями — стало известно только потому, что пострадавшие обратились за помощью к

правозащитникам Глущенко и Хроменкову. Все пострадавшие пожаловались на действия силовиков в СК, но это не привело ни к какому результату — следователи отказываются видеть нарушение закона в действиях полицейских и не возбуждают уголовные дела.

Два суда на день рождения

Глущенко рассказывает, что большая часть пострадавших от насилия силовиков впоследствии отказываются от своих претензий к сотрудникам. Многие из задержанных сами становятся фигурантами уголовных дел, поэтому полицейские часто предлагают им сделку: меньший срок за молчание. Или, как говорит Рузаева, «берут измором».

«Они сидят со своими ребятишками, никто не трогает их, и спасибо, и хорошо, — рассказывает она. — Они не думают, что у них детки подрастут и, возможно, к этим же демонам и попадут. Или дети соседа, или еще кто-нибудь. И кого-то там противогазом задушат, кто-то от сердечного приступа умрет, потому что они когда-то поленились и не захотели сделать все. Да, я тоже устаю, четыре года, я уже иной раз сажусь перед каким-то следственным действием и начинаю плакать, потому что я уже устала. Ну, ничего, утром встаю и поехала, потому что надо. Если не мы, то кто».

Пока что добиться возбуждения уголовного дела получилось только у самой Марины Рузаевой — ей помогали ставший правозащитником муж,

юрист Святослав Хроменков и его коллеги из «Общественного вердикта».

Весной 2019 года Кировский районный суд Иркутской области удовлетворил ходатайство регионального управления СК о возобновлении расследования, дело передали в Центральный аппарат Следственного комитета. Летом 2020 года троим оперативникам предъявили обвинение в превышении должностных полномочий с применением насилия и спецсредств (пункты «а», «б» части 3 статьи 286 УК).

В декабре 2018-го СК возбудил еще одно дело, по которому Рузаева стала потерпевшей — о фальсификации доказательств (часть 3 статьи 303 УК). Обвинения предъявили следователю Сергею Лысых, который начинал расследовать дело о пытках домохозяйки, но не довел его до конца. По версии обвинения, зимой 2016 года Лысых указал в трех протоколах данные понятых^[14], которые в реальности на следственных действиях не присутствовали, и подделал их подписи.

Защищал Лысых в суде его бывший начальник — замруководителя следственного отдела по Усолью-Сибирскому Артем Осадчий, которого обвинял в запугивании сотрудник ГИБДД Присяжный. Осадчий подал в отставку и стал адвокатом. В феврале 2020 года Усольский городской суд оправдал Лысых, но этот приговор был отменен — и теперь следователя снова будут судить.

Оба процесса — над пытавшими Рузаеву оперативниками и над расследовавшим пытки

следователем — начались в Усольском городском суде 17 декабря. Это день рождения Марины Рузаевой.

Сама Рузаева говорит, что все эти годы они с мужем подвергаются травле в местных соцсетях и опасаются мести силовиков: «Знаете, как мы садимся в машину? Берем телефон на селфи-палке и смотрим, что там под машиной». Иногда она замечает пытавших ее полицейских в магазине или на улице.

Летом 2019 года неизвестные разбили лобовое стекло в их автомобиле. Глущенко говорит, что в интернете ему поступают угрозы «посадить на бутылку», но он не собирается уезжать или прекращать свою правозащитную работу. По его словам, жена до сих пор не восстановилась после пережитого, по ночам ей снятся кошмары. Рузаева добавляет, что очень устала от бесконечных следственных действий, которые возвращают ее в день пыток:

«Они меня мучают уже четыре года и ни к чему не приходят и не придут. Вот эти отказные перелистывать без конца, без конца, эти бесконечные допросы. Протащили по всем кругам ада. При том при всем обвиняемые по 51-й отказались [давать показания], их не беспокоят никак, они ездят отдыхать спокойно, они живут в свое удовольствие, им пофиг. Плюс, еще к этому прибавились люди, которые "Помогите, а нас вот тоже". И их уже истории переживаешь, перевариваешь, как свои. Что будет дальше, ты уже знаешь — а дальше их замучают, и они скажут: "Не надо нам ни вас, ни вашей помощи. Ни их. Пусть отстанут все". Потому что они выматывают, знают, как это делается».

При участии Ольги Хариной. Редактор: Егор Сковорода

1. Межмуниципальный отдел МВД «Усольский» — это территориальное подразделение управления МВД по Иркутской области. В нем служат полицейские, работающие в Усолье-Сибирском и окрестностях. Возглавляет межмуниципальный отдел Александр Кузнецов, здание отдела расположено на улице Ленина, 24. В Усолье-Сибирском на Менделеева, 76 есть еще районный отдел полиции, его глава Николай Ланцов подчиняется Кузнецову.
2. Эти данные содержатся в материалах дела о пытках Рузаевой — там два тома занимают выписки из книг регистрации сообщений о преступлениях с 2011 по 2019 год и электронной базы данных учета следственной работы, данные в которую вносятся с 2013 года. Также в распоряжении «Медиазоны» есть выписки из материалов проверок в отношении фигурантов дела Рузаевой: оперативников Корбута, Самойлова и Гольченко.
3. Это только те, чьи имена указаны в материалах СК, в большинстве случаев проверки проводились в отношении неустановленных силовиков.
4. В 2000 году Усольский городской суд приговорил Павла Глущенко к 8 годам колонии, признав виновным по части 3 статьи 162 УК (разбой). Святослава Хроменкова в 1999 году осудили на десять лет колонии по части 3 статьи 30, статьи 105 УК (покушение на убийство) и той же статье 162 УК. Оба освободились условно-досрочно.
5. Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту — советская военно-спортивная организация.
6. Капитан юстиции Чудинова служила тогда инспектором отдела процессуального контроля СК, который следит, чтобы следователи не нарушали закон при оформлении документов во время расследования.
7. Копия документа есть в распоряжении редакции.
8. 294 раза в 2014 году, 237 раз в 2015 году и 238 раз в 2016 году.
9. В июне 2016 года замруководителя управления СК по Иркутской области Дмитрий Вастьянов «во избежание конфликта интересов»

постановил передать дело Рузаевой в отдел по расследованию особо важных дел областного управления СК. Дело поручили следователю Павлу Гойнику и замуководителя следственного отдела по Ангарску Виктору Мещерякову. За полгода Мещеряков расследовал дело и предъявил полицейским обвинение по статье 286 УК, но его вернули на доследование в усольский следственный отдел.

10. Старший оперативник отдела уголовного розыска отдела МВД «Усольский» Константин Попугаев (лейтенант полиции, 28 лет) работает в отделе с 2015 года. Входит группу имущественных преступлений. До 2019 года СК не менее трех раз проводил в отношении него проверку по жалобам на пытки и психологическое давление.

11. Супруга Сосновского через некоторое время перестала сотрудничать с правозащитниками — после того, как ее мужа отправили в СИЗО. В январе 2020 года его приговорили к 2,5 года условного срока, признав виновным в организации кражи в крупном размере (часть 3 статьи 33, пункта «в» части 3 статьи 158 УК).

12. Камера предварительного заключения, устаревшее значение изолятора временного содержания.

13. Он говорил это местной журналистке Галине Сотниковой, запись есть в распоряжении «Медиазоны».

14. Глущенко отмечает, что в одном из протоколов использованы данные местной жительницы Анетько, чей сын Павел Анетько в апреле 2016-го умер в ИВС. Причиной смерти стала «неуточненная осложнившаяся острая недостаточность кровообращения» — при этом, согласно рапорту того же Лысых, перед водворением в ИВС Анетько избили «неизвестные лица». Откуда Лысых достал паспортные данные Анетько еще в январе, неизвестно.